

•
ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО
•

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ЕКАТЕРИНЫ БАРСОВОЙ
В СЕРИИ «ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ПРОШЛОГО»:

ПРОКЛЯТИЕ ТИТАНИКА
ГРААЛЬ КЛАНА КЕННЕДИ
НОЧЬ НА ПЕРЕВАЛЕ ДЯТЛОВА
РОКОВОЕ ПРОРОЧЕСТВО
РАСПУТИНА
ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЮБОВЬ
МАКСИМА ГОРЬКОГО
ЗАВЕТНЫЙ КОВЧЕГ ГУМИЛЕВА
ТАЙНЫЙ КОД ГЕНИЯ
СОЛНЦЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ
ЗМЕЙ В САДУ ВАТИКАНА
РАЗБИТЫЕ ЧАСЫ ГИПЕРБОРЕИ

ЕКАТЕРИНА

БАРСОВА

РАЗБИТЫЕ ЧАСЫ
• ГИПЕРБОРЕИ •

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Разработка серийного оформления *А. Дурасова*

Барсова, Екатерина.

Б26 Разбитые часы Гипербореи / Екатерина Барсова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-157249-5

Анфиса устроилась на работу в фонд, который готовит экспедицию к таинственному месту силы на Севере. Кто бы знал, к чему это приведет! Секретарь руководителя – должность маленькая, в секреты и тонкости Анфису не посвящают. Но если проявлять внимание и не гнушаться подслушивать чужие разговоры, умная девушка может раздобыть немало интересной информации, которая очень дорого стоит. Кто-то дает за нее большие деньги, а кто-то – расплачивается жизнью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157249-5

© Барсова Е., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Несите твердую рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая перед толпой,
Бросать камнями готовой...*

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕВ

— Ты видишь... видишь... — шипел один голос внутри его.

— Нет. Не могу... не хочу... — отвечал ему другой.

— Открой глаза, ты же не слепец, в конце концов, — требовал третий.

Голоса... Он понимал, что они рано или поздно сведут его с ума. Надо было держаться изо всех сил... Пока он мог сопротивляться *этому... Пока еще были силы и воля, но в любой момент они могли его оставить...*

Вокруг все было странным и непохожим на то, о чем он думал раньше. Возможно, это и есть тот самый путь познания, о котором он

все время размышлял. Ты же хотел найти истину — так почему она тебя так пугает, и, видимо, не только тебя, а любого мало-мальски разумного человека, который сталкивается с чем-то непостижимым. Он не хочет это му верить, даже если мечтал все увидеть собственными глазами и рисовал в уме картину того, с чем собирался встретиться. Кажется, тут проявляется одно из странных противоречий: человек жаждет перейти все границы этого материального мира, но часто останавливается на краю, не имея решимости заглянуть в бездну.

В голове шумело. Его зрение вдруг приобрело удивительную остроту, словно он смотрел в некое объемное сферическое зеркало: выпуклое, тусклое по краям, но в середине удивительно четкое. В фокусе были не только окрестности: горы, высокие деревья с шершавыми стволами, стальная гладь озера, но и прожилки листьев, ленивые рыбы, медленно скользящие в воде, облака, с одной стороны подкрашенные солнцем...

Такое зрение было дано ему не напрасно, не для того, чтобы он расплескал это чудо... Ему следовало открыть еще немало тайных знаний, которыми владели древние, а современники утратили в погоне за суетным и мелким...

Он ощутил прилив сил и возбуждения, в него проникла странная уверенность, что все будет

хорошо, что ему многое удастся из задуманного, что то, о чем он грезил, сбудется... Только нужно собраться и без страха идти навстречу неведомому, не сбиваясь с пути... Не уклоняться, а двигаться вперед... Когда закончится эта экспедиция и он представит свой отчет, то поиски продолжатся... и так до конца... пока не будет найдена Истина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОРОН ЗА ОКНОМ

*Как-то в полночь, в час угрюмый,
полный тягостною думой,
Над старинными томами
я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, — вдруг
неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался —
постучался в дверь ко мне.*

ЭДГАР АЛЛАН ПО. «ВОРОН»

ОРАНИЕНБАУМ. НАШИ ДНИ

За окном раздался резкий крик, и Анфиса открыла глаза. Она еще не очнулась ото сна, и поэтому все предметы в комнате предстали перед ней в неясном тумане, она снова закрыла глаза и собиралась продолжать спать. Второй крик был еще тревожней первого. «Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда», — почему-то вспомнились строчки стихотворения Эдгара По.

Третий крик прогнал остатки сна, Анфиса встала, накинула халат и подошла к окну. Она жила в старинном доме с толстыми стенами и видом на канал. Большое дерево росло прямо перед окном. На ветке сидел ворон и смотрел на нее.

— Ну, привет, — пробормотала Анфиса. — Это ты не дал мне выспаться.

Ворон склонил голову набок, словно вслушиваясь в ее речь.

— Понимаю, надо уже просыпаться. Дел много... А я тут лежу, дрыхну... непорядок...

Анфиса подумала, что нужно покормить ворона; с этой мыслью она направилась на кухню. Но когда выглянула в окно, птицы на ветке уже не было...

Начинался новый день.

Она бросила взгляд на часы — девять утра. Нормальное рабочее время...

Анфиса Костомарова, переводчица, двадцати девяти лет, рост 171 сантиметр, волосы пепельные, глаза серые, характер — спокойный — так она однажды написала в шутливой анкете. Раньше она делила свое время между Москвой и Ломоносовом, который называла по-старинному Ораниенбаумом, там у нее имелась крохотная двухкомнатная квартира, доставшаяся от бабушки. Дом был старый — еще дореволюционной постройки — с толстыми стенами, высокими потолками и выходом на маленький канал. С той поры, когда она стала работать в фирме «За развитие Русского Севера», Анфиса уже реже бывала в Ораниенбауме, в основном проживая в Москве в съемной квартире (несколько лет была фрилансером и поэтому могла вырваться из Москвы в любое

время и осесть здесь, взять перевод и заняться делом, не отвлекаясь ни на что).

Жила она довольно замкнуто, подруг у нее не было. Единственным другом был Валентин Лавочкин — верным и бескорыстным, готовым всегда прийти на помощь и подставить свое плечо. Познакомились они на книжной ярмарке, где она представляла свой последний перевод — книгу одного писателя африканского происхождения, родившегося и живущего в Австрии. Это было еще до того, как она пришла работать в фонд «За развитие Русского Севера».

Она представляла книгу в череде других переводчиков. Их было трое. Бурьгина Вера Александровна (ВерСанна — как звали ее сокращенно друзья и знакомые), переводившая одного модного французского писателя вот уже несколько лет. Писатель был жутко популярным, его в России знали и любили. На Западе по его книгам сняли фильм, который оказался так себе — на троечку, но способствовал расширению читательской аудитории. ВерСанна переводила примерно один роман в два года — такова была «производительность» французского беллетриста. Анфису она знала и ценила, время от времени они перезванивались и встречались на книжных ярмарках-фестивалях. Второй переводчик был Шамроев Виктор Афанасьевич — эстет, претендующий на модность. Он вел свой блог и страничку в «Инста-

граме», ему было лет пятьдесят с хвостиком, недоброжелатели говорили, что больше, просто он так хорошо сохранился; некоторые намекнули на пластику и подтяжку лица. Он перевел книгу современного немецкого автора, в которой были намешаны всякого рода комплексы: тут тебе и тяжелое детство, и насмешки в юности, и болезненный сексуальный опыт, и раздвоение личности, и попытки выйти за пределы своего пола... и странное влечение к двоюродной сестре... и даже чувство вины за то, что его дед служил в СС. Это был гремучий коктейль. На родине писателя уже отметили престижной премией. На этой волне одно российское издательство, славящееся тем, что переводило артхаусные новинки, решило выпустить новую книгу в спешном порядке. Пока не схлынул хайп.

Шею Шамроева обвивал ядовито-зеленый шарфик, брюки были песочного цвета. А рубашка — красного... ВерСанна явилась в какой-то фиолетовой хламиде. Она придерживалась ампула доброй тетушки шестидесяти лет. А она, Анфиса Костомарова, выглядела очень строгой и элегантной в бледно-голубом брючном костюме. Народу было немного, Анфиса выступала последней. Закончив презентацию романа и ответив на пару вопросов, она направилась к столу издательства, уже была совсем рядом с ним — и тут в нее кто-то врезался. Анфиса махнула руками и едва устояла на ногах...

Раздался звук падения рассыпавшихся книжек. Прямо перед собой она увидела молодого человека в очках, джинсах и мягком свитере. Он пробормотал слова извинения. И бросился собирать книги. Анфиса присела на карточки, чтобы помочь ему. Он встретился с ней глазами и даже побледнел.

— В-вы кто? — спросил, чуть заикаясь.

— Переводчица.

— Переводчица? — почему-то обрадовался он. — Очень приятно. Валентин Лавочкин. Вы свободны?

— В каком смысле? — надменно спросила Анфиса, выпрямившись.

Молодой человек тоже поднялся.

— В косвенном. Свободны ли вы сейчас. Сию минуту. Я хочу пригласить вас в ресторан. — Увидев взлетевшие брови Анфисы, поспешил добавить: — На чашку кофе. Это нормально.

— Что нормально в вашем понимании, я не знаю.

Рядом остановилась ВерСанна. У нее были глаза подбитой птицы, и она зябко куталась в хламиду, несмотря на тепло.

— ВерСанна, хотите с нами в ресторан? — предложила Анфиса.

— В ресторан? — встрепенулась ВерСанна.

— Да. Нас молодой человек приглашает. Э-э... Валентин... как по отчеству?

— Можно без.

— Молодой человек по имени Валентин приглашает нас в ресторан, — насмешливо сказала Анфиса.

Ни один мускул на лице ее нового знакомого не дрогнул.

— Да. Прошу составить компанию.

— Можно еще пригласить Витю, — предложила ВерСанна. — Он нам расскажет, над чем сейчас работает. И вообще... Видимся же редко.

Но переводчик с немецкого бодро потрусил вдалеке с парочкой мужчин, одетых в стильные пиджаки, даже не посмотрев в их сторону.

— Кажется, Витю похитили поклонники его таланта, — с легкой грустью сказала ВерСанна. — У него достаточно много поклонников. Сидит на грантах.

— Ну что ж! Идем в ресторан, — сказала Анфиса. — Ведите — куда.

— Я знаю тут один неподалеку. Вполне милый. Я вас туда на машине отвезу.

В ресторане, располагавшемся в здании под «замок», в основном говорила ВерСанна. О трудностях перевода, о своей жизни, вспомнила какие-то случаи двадцатилетней давности. Складывалось впечатление, что ей хотелось просто выговориться. Они заказали обед, ВерСанна ела медленно, часто отвлекаясь на беседу, точнее, собственный монолог. Анфиса редко вставляла реплики, почти не поднимая глаз на Лавочкина. Валентин же большей ча-

стью молчал. Наконец, посмотрев на часы, ВерСанна тряхнула пепельными кудельками и сказала: — Мне пора. Меня ждет Кирюха. Очень было приятно познакомиться, — кивнула она Валентину. — А с тобой прекрасно еще раз повидаться. Все такая же красивая и умная.

— Не перехвалите, ВерСанна.

— Ничуть. Все так и есть. Гордость и надежда переводческого корпуса.

Когда ВерСанна ушла, Анфиса сказала, не глядя на Лавочкина.

— Простите. Я была такой несносной.

— Почему?

— Навязала вам свою знакомую. Хотя не должна была этого делать.

— Не оправдывайтесь; все было прекрасно. Рад познакомиться с Верой Александровной. Она ведь переводит писателя, которого в нашей семье читают. Не каждый день обедаешь с переводчицей такого уровня.

— Вера Александровна — несчастный человек. У нее умер муж пять лет назад. Сын инвалид. И она очень нуждается в деньгах. Переводы нерегулярные, и платят нам за них не так уж чтобы много. А инвалидность сына требует денег. Я хотела доставить ей немного радости. Со мной она бы не пошла, постеснялась бы за мой счет обедать. Так что... сколько я вам должна?

Валентин вскинул руки в протестующем жесте.

— Ни-че-го, — раздельно сказал он. — Для меня это было честью. А потом... одна пере-

водчица сейчас сидит передо мной. И я этому страшно рад.

Анфиса взглянула на него с немым удивлением.

— Вы всегда говорите такие комплименты?

— Какие — «такие»?

— Ну прямые, что ли...

Валя чуть покраснел.

— Нет. Наверное, в первый раз.

— А... — Анфиса заметно поскущнела. — Хочу вас предупредить. Я не склонна к романам или легким интрижкам. Я могу вам предложить только дружбу. Говорю сразу, чтобы не было никаких недомолвок в дальнейшем. А то всякое бывает...

— Ваша дружба... — Валентин коснулся рукой волос, словно желая придать себе уверенности. — Я очень, очень постараюсь стать для вас хорошим другом.

Анфиса провела пальцем по скатерти.

— Спасибо. А теперь вы можете угостить меня кофе?

— Не вопрос.

После кофе они разговорились. Анфиса разрешила проводить ее до дома. Она жила недалеко от метро «Бауманская», Лавочкин подвез ее, они стояли и разговаривали около дома, расставшись в десятом часу. Если бы Анфиса потом видела своего нового знакомого, то она бы, наверное, сильно удивилась. Он ехал в машине и пел. А на его лице расплылась блажен-